

На правах рукописи



ОМАСHEBA ЖАНАР МАГАУЯЕВНА

**НАЗВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ
В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ:
МОТИВАЦИОННО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ**

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2017

Работа выполнена на кафедре межкультурной коммуникации,
риторики и русского языка как иностранного
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии
педагогических наук Казахстана
Темиргазина Зифа Какбаевна

Официальные оппоненты:

Хайруллина Райса Ханифовна, доктор филологических наук,
профессор, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы», профессор кафедры русского языка

Дюзенли Мария Владимировна, кандидат филологических наук,
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина», старший преподаватель кафедры
русского языка для иностранных учащихся

Ведущая организация:

ФГБУН Институт филологии Сибирского отделения РАН

Защита состоится «20» октября 2017 года в 15.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.283.02 на базе ФГБОУ ВО «Уральский
государственный педагогический университет» по адресу: 620017,
г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, актовый зал информационно-
интеллектуального центра – научной библиотеки.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале
информационно-интеллектуального центра – научной библиотеки ФГБОУ
ВО «Уральский государственный педагогический университет» и на сайте
Уральского государственного педагогического университета
<http://science.uspu.ru>.

Автореферат разослан «20» августа 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета



Кусова Маргарита Львовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение языкового взаимодействия родственных и неродственных языков, применение сопоставительного метода к их исследованию позволяет выявить наиболее существенные и глубинные сходства и различия между ними, лучше понять закономерности и особенности изучаемых языковых явлений, глубже проникнуть в структуру языков, полнее изучить и осмыслить своеобразие каждого из сопоставляемых языков. Сопоставительный анализ дает возможность раскрыть своеобразие исследуемого языка и культуры на фоне других языковых картин мира, способствуя дальнейшему развитию лингвистической типологии, основы которой были заложены в лингвистической философии В. фон Гумбольдта, Е.Д. Поливанова, Л.В. Щербы, А.И. Смирницкого и многих других.

Сопоставительная мотивология как самостоятельное научное направление впервые была заявлена в работах О. И. Блиновой и получила дальнейшее развитие в трудах представителей Томской лингвистической школы. Заметный вклад в развитие мотивологии как научного направления внесла казахстанская лингвистическая школа под руководством М.М. Копыленко. Но, несмотря на значительное количество работ по проблемам мотивированности языкового знака, ряд аспектов теории мотивации относится к малоработанным, в частности, проблема формальной выраженности мотивировочного основания на разных языковых уровнях, взаимосвязь мотивационного признака и различных национальных картин мира и проч.

Следует отметить, что исследование идиотнической специфичности и универсальности основных параметров словообразовательной мотивации названий лекарственных трав в русском и казахском языках до сих пор не осуществлялось.

Актуальность исследования определяется теоретической и практической значимостью системного сопоставительного анализа мотивационно-словообразовательных и лингвокультурных особенностей названий лекарственных травянистых растений неродственных языков, которые могут оказаться за пределами внимания исследователя при изучении лишь одного языка – русского или казахского. С экстралингвистической точки зрения актуальность обуславливается длительными и постоянными культурно-языковыми контактами между двумя народами, определяющими важность и значимость сопоставительного исследования отдельных лексических пластов обоих языков, в частности, фитонимической лексики. Сопоставительное изучение наименований лекарственных травянистых растений может служить одним из источников изучения и познания реалий материальной и духовной культуры русского и казахского народов. С внутрилингвистической точки зрения актуальность диссертации связана с тем фактом, что названия лекарственных травянистых растений – это специфическая часть лексической системы языков, имеющая многовековую историю. Ее формирование осуществлялось в разные исторические эпохи неодинаково. Исследование углубляет и дополняет научные знания о лексической системе и словообра-

звательном потенциале разноструктурных в морфологическом плане языков – русского и казахского – в сопоставительном аспекте.

Новизна работы. Несмотря на то, что наименования лекарственных трав достаточно детально и всесторонне изучались в русском языке, см., например, работы Н.И. Коноваловой, Н.И. Налётовой и др., и имеются отдельные работы, анализирующие казахские названия, исследования сопоставительного русско-казахского плана на материале наименований лекарственных травянистых растений в языкознании отсутствуют. В диссертации впервые сделана попытка мотивационного и лингвокультурного анализа названий лекарственных трав русского и казахского языков в сопоставительном плане, позволившем выявить общие и национально-культурные особенности названной лексико-семантической группы.

Объект исследования – номинации лекарственных травянистых растений, рассматриваемые как составная часть научной терминологии и народной лексики исследуемых языков. Объектом исследования выступают, во-первых, терминизированные народные наименования, вошедшие в состав фитонимической терминологии, и, во-вторых, народные названия, не вошедшие в научный пласт лексики русского и казахского языков. Народные названия получали самые распространенные в окружающей природе и повседневном обиходе и потому известные всем носителям лингвокультуры растения. Другим критерием отбора названий является их мотивированность, т.к. номинации сравниваются не только с лексической точки зрения, но и с точки зрения их мотивированности.

Научные названия латинско-греческого происхождения большей частью – полные кальки и не могут передавать национально-культурную специфику номинаций, их словообразовательные возможности и специфику языковой концептуализации, поэтому они не входят в сферу научного интереса.

Предмет исследования – мотивационно-словообразовательные и лингвокультурные особенности наименований лекарственных травянистых растений в русском и казахском языках в сопоставительном ракурсе.

Целью работы является изучение мотивационно-словообразовательных и лингвокультурных особенностей русских и казахских наименований лекарственных травянистых растений.

Задачи исследования:

- определить семантическую структуру названий лекарственных травянистых растений в русском и казахском языках;
- описать названия лекарственных растений по основным направлениям мотивационно-сопоставительного анализа: по типам и видам мотивированности, формантным частям и мотивировочным признакам;
- выявить сходство и различия в мотивационном аспекте производных номинаций лекарственных трав в русском и казахском языках;
- осуществить анализ семантики названий лекарственных растений сопоставляемых языков в лингвокультурном плане.

Фактический материал исследования – названия лекарственных травянистых растений, полученные методом сплошной выборки из лексикографических источников на русском и казахском языках, из аутентичных одноязычных справочников лекарственных растений, раскрывающих фитоморфологические признаки денотата, а также аутентичных одно- и многоязычных лингвистических словарей, реестра лекарственных растений, учебной и научно-популярной литературы последних десятилетий. Картотека диссертационной работы содержит 1308 названий, включающих 732 русских, 576 казахских номинаций (часть терминизированных номинаций имеет параллельные научные названия, другая часть имеет несколько народных названий).

Методы и приемы исследования. В качестве основного метода выбран мотивационно-сопоставительный анализ, в ходе которого осуществляются анализ и сравнение мотивировочных признаков русских и казахских наименований лекарственных трав. Метод компонентного анализа использован для выявления семантической значимости слов в названиях растений; словообразовательный и мотивационный анализ – для выявления сходства и различия наименований; дискретный анализ – при разборе по морфемному составу; трансформационный анализ, метод статистического анализа и ряд других методов и приемов.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она является определенным вкладом в развитие теории номинации, сопоставительной мотивологии и социально-языковой контактологии. Исследование имеет значение для дальнейшей разработки и систематизации теоретической и практической основы сравнительно-типологического изучения лексической семантики, способствует более глубокому пониманию и осмыслению ряда вопросов и проблем, касающихся мотивологии, этнолингвистики, лингвокультурологии. Анализ наименований лекарственных трав в указанном аспекте позволяет установить их специфику, определить условия и закономерности их образования и особенности проявления мотивированности. Материалы, методика и результаты работы могут служить основой для дальнейших исследований мотиваций грамматических и лексических классов на материале других языков.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты и предложенные способы анализа могут использоваться в дальнейшей разработке методики анализа сопоставительной мотивологии, в практике преподавания спецкурсов по этнолингвистике и лингвокультурологии, при составлении медицинских справочников, терминологических словарей и учебно-методических пособий по ботанике и лекарственным травам.

Положения, которые выносятся на защиту:

1. Лексическое значение названий лекарственных растений в русском и казахском языках представляет собой совокупность семантических признаков, которые служат для их дифференциации. Лексическое значение включает интегральные, дифференциальные, актуальные и потенциальные признаки растений, соотносимые с соответствующими семами. Однако в значении лексемы эти семы не всегда представлены в полном объеме.

2. Названия лекарственных растений в обоих языках обладают структурной и семантической мотивированностью. Набор мотивировочных признаков, используемых при номинации, является достаточно специфичным и системно организованным.

3. Сопоставляемые языки имеют общие словообразовательные категории, однако степень продуктивности способов словообразования, характер словообразовательных значений, круг производящих основ не совпадают. Продуктивность морфологического (сложение) и синтаксического вида мотивированности в казахском языке и преобладание морфологического вида мотивированности в русском языке становятся важными характеристиками названий лекарственных травянистых растений.

4. Названия лекарственных растений отражают этнические особенности и универсальные лингвокультурологические свойства семантики номинаций. Национально-культурная мотивированность семантики растений определена комплексом как собственно языковых, так и внеязыковых факторов, отражающих условия жизни этноса. В процессе номинации факты внеязыковой действительности воплощаются в системе исследуемых языков; структура и значение названий растений отражают общественный опыт носителей языка независимо от типа языка. Объект номинации может получить множество наименований, т.к. в процессе номинации может актуализироваться несколько мотивировочных признаков.

Методологическими и теоретическими основаниями для диссертационного исследования послужили основные положения лингвофилософской антропологии В. фон Гумбольдта, семантико-когнитивные исследования значения слова В.А. Масловой, С.Г. Воркачева, фундаментальные труды по русскому языкознанию (В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, Д.Н. Шмелева), по казахскому языкознанию (Т. Сайрамбаева, А.Т. Қайдарова), сопоставительной мотивологии (Н.И. Коноваловой, О.И. Блиновой, А.Д. Жакуповой), сопоставительной типологии (З.К. Темиргазиной, З.К. Ахметжановой, Л.Н. Жанапиной), а также работы Б. Калиева, Ф.К. Исеновой, Г.Ш. Назаровой, Э.С. Кулиева, К.Г. Арьяновой, И.Э. Подольян, С.Ю. Дубровиной, В.В. Колосовой и др.

Основные положения диссертации прошли **апробацию** и получили положительную оценку на заседаниях кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета. Результаты и материалы исследования отражены в докладах и сообщениях на различных научно-практических конференциях. Основные выводы и результаты исследования, отраженные в диссертации, также представлены в 19 публикациях, в том числе 3 в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК МОиН РФ.

Реферируемая диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, который содержит 227 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновываются выбор темы исследования, актуальность ее изучения, излагаются цель и задачи работы, определяются объект, предмет исследования, указываются основные методы исследования, характеризуется теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна, описываются теоретические основы исследования и апробация работы. Здесь же характеризуется фактический материал исследования, его объем и источники.

1 глава реферируемой диссертации **«Мотивационно-словообразовательный и лингвокультурный аспекты исследования лексических единиц»** включает в себя три раздела. В главе рассмотрены взгляды отечественных и зарубежных лингвистов по теме исследования. Теоретическому анализу подвергаются фундаментальные труды ученых (В.Н. Манакина, В.И. Кононенко, В.М. Русановского, А.Е. Супруна, М.М. Копыленко, З.Д. Поповой, Г.В. Колшанского, З.К. Темиргазиной, Н.Ж. Шаймерденовой, Г. Исиной и др.), посвященные сопоставительному и типологическому изучению языков и их подсистем, реконструкции языковой картины мира как одной из важнейших задач современной лингвистической семантики, культурно-языковых стереотипов и национальных картин мира с их специфическими концептами.

В разделе **1.1. Сопоставительная мотивология: теория и методы** мотивология представляется как наука, изучающая лексическую систему конкретного языка с точки зрения мотивированности языковых знаков. Сопоставительная мотивология, наряду с решением специфических вопросов самого сопоставительного метода, включает всю проблематику описательной мотивологии конкретного языка [Аракин 1989]. Методологическую основу сопоставительной мотивологии составляют принципы мотивационно-сопоставительного анализа лексики, основными из которых являются общенаучные принципы (экспланаторность, функционализм, этноцентризм) и мотивологические (системность, синхронность, антропоцентризм). Сопоставлению с точки зрения мотивированности могут подвергаться отдельные лексические единицы, внутренняя форма слова, тип мотивированности лексических единиц, тип внутренней формы. Мотивация есть «обязательная ступень преддоминативного процесса. Мотивация раскрывается в диахронии, а мотивированность как состояние рассматривается в синхронии» [Адилова 1996: 10].

Методологической и онтологической базой сопоставительной мотивологии является описательная мотивология, основанная в начале 70-х гг. прошлого века. В начале 90-х гг. были определены основные научные понятия, методы и принципы мотивационно-сопоставительного анализа, аспекты и единицы сопоставления разных форм из разных языков. Теория мотивации находится в русле современных научных парадигм, поскольку все основные исходные понятия мотивологии связаны с метаязыковым сознанием говорящего. Это дает возможность изучать явление мотивации в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах, направленных на выявление средств выражения национальной языковой картины мира, «описание той части и шире

– мышления, в котором переплелись представления человека обеих языковых общностей...» [Исенова 2005: 39].

Сопоставлению с точки зрения мотивированности могут подвергаться отдельные лексические единицы, внутренняя форма слова, тип мотивированности лексических единиц, тип внутренней формы (прозрачная – непрозрачная, метафорическая – неметафорическая, вариантная – невариантная, полная – неполная). При сопоставительном исследовании двух языков, как в реферируемой диссертации, отсутствует разделение на исходный язык и сопоставляемый язык и языковые факты признаются равноправными.

Термин «мотивированность» означает с одной стороны – отношения между означаемым и означающим в языковом знаке (внутренняя мотивированность), с другой – отношения между знаками (деривационная мотивированность), объясняющие использование знака в качестве наименования чего-либо. Мотивационное значение, в отличие от лексического, отличает большая степень обобщенности.

В разделе **1.2. Наименования лекарственных трав как отражение национальной языковой картины мира** изложены важнейшие теоретические вопросы современной лингвистической семантики, связанные с реконструкцией языковой картины мира. Современные авторы определяют картину мира как «глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, то есть выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной и познавательной деятельности» [Постовалова 1988: 21]. Исследование языка сквозь призму культуры и менталитета его носителей диктует необходимость обращения к ценностной основе национальной культуры, во многом формирующей ее национальное своеобразие, которое заключается в образе жизни и психологии народа, отражаемых в языке в виде семантических структур.

Мотивационно-словообразовательное изучение лексических подсистем (групп, полей и т.д.), в частности, лексико-семантической группы наименований лекарственных трав в двух разноструктурных и неродственных языках позволяет получить данные, на основе которых можно делать выводы о своеобразии или универсальности номинативных процессов и, в конечном счете, о специфике языковой картины мира того или иного народа.

Модель мира в каждой культуре строится из целого ряда универсальных концептов и констант культуры – пространства, времени, причины, судьбы, числа. Несмотря на наличие универсальных концептов, у каждого народа существуют особые, лишь ему присущие соотношения между концептами, что и создает основу для национального мировидения и оценки мира. Исследуемые в работе названия лекарственных растений – это фрагмент языковой картины мира, представляющий собой функционирующую систему культурных ценностей, отражаемых в языке в виде комплексных межуровневых единиц. Исследование языка сквозь призму культуры и менталитета его носителей диктует необходимость обращения к ценностной основе национальной культуры, во многом формирующей ее национальное своеобразие.

В разделе **1.3. Классификации основных цветообозначений** рассмотрены научные подходы к изучению цветообозначений. Как показывает анализ исследований вопросов цветоименования, ученые разных отраслей наук, пытаясь описать и классифицировать семантические отношения между словами, обозначающими цвет, говорят о трудности и противоречивости характеристик на основе модели трехмерного психологического пространства цветового восприятия и ощущения. При создании модели смысловых отношений в цветоименованиях исследователи зачастую затрудняются выявить единый принцип выбора и классификации цветовых номинаций.

Многозначность и многофункциональность наименований цвета заключаются не только в номинативном обозначении широкого круга существующих реалий. Кроме всего этого цвет является одной из наиболее значимых составляющих культуры народа. Цвет находится в окружении целой системы ассоциаций, разных смысловых значений, многочисленных толкований, ввиду этого цвет становится настоящим воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей. Значение цвета в разных культурах имеет не только общие универсальные черты, но и отличия, которые имеют отношение к глубинным слоям сознания и отражают национальные культурно обусловленные особенности. Цветономинации представляют собой устойчивую символическую структуру, которая соотносится с определенными эмоциональными состояниями человека.

Структурные и семантические особенности наименований цвета связаны с различиями в картинах мира представителей разных культур, со сложившимися историко-культурными, религиозными, климатическими, экологическими и другими характеристиками. В рамках каждого конкретного языка в результате эволюции национальной языковой картины мира цветовые наименования приобретают дополнительные значения или оттенки значений, которые выходят за пределы и рамки конкретных названий цвета, а это также требует их специального изучения, анализа и описания.

Для любого языка центральным этапом развития системы цветовых обозначений является формирование центрального «ядра» – группы слов, то есть основных цветовых наименований (basic color terms) и периферии тех же названий.

В главе **2 Мотивационно-словообразовательная характеристика названий лекарственных травянистых растений в русском и казахском языках** анализируются способы словообразования русских и казахских названий лекарственных трав и выявляются мотивировочные признаки, лежащие в основе образования новых производных номинаций.

В разделе **2.1. Названия лекарственных травянистых растений как часть лексики русского и казахского языков: этимологический аспект** рассматривается происхождение названий растений русского и казахского языков, что представляется необходимым для определения процессов мотивации, демотивации или для подтверждения того, что синхронная мотивированность данной лексической единицы совпадает с диахронной. Формирование названий лекарственных трав русского и казахского языков происхо-

дило как за счет расширения исконного лексического фонда, так и за счет заимствований. Ученые отмечают трудности в определении этимологии названий растений. Названия растений часто передаваясь из одного языка в другой вместе с соответствующей реалией, независимо от введения в культуру самих растений. Факт наличия таких названий во многих языках разных систем при отсутствии этимологии на почве того или иного языка заставляет исследователей каждого языка обращаться за разъяснениями к другим языкам. Например, учет различных критериев в хронологизации слова *aur* позволяет сегодня не только отнести данное слово к тюркизмам татаро-монгольской эпохи, но и выявить совершенно иные пути и условия его заимствования, хотя традиционно оно считается заимствованным через украинские говоры из турецкого *agir*, которое в свою очередь восходит к греч. Активным посредником в передаче немецких, латинских заимствований был польский язык. Так, например, название ромашка (на лат. *anthemis rōmāna*, *chamaemēlum rōmānum*), по мнению М. Фасмера, заимствовано явно через польское посредство.

В настоящее время заимствованная и исконная лексика в номинациях не всегда четко разграничивается, так как характер отдельных корневых морфем не осознается носителями этих языков как чужеродный. К примеру, слово *дурман* происходит от персидского *darman* «лекарство» и пришло в русский язык через тюркский (ср. в казахском языке – *дәрі* «лекарство», в башкирском – *турман* «лекарство для лошадей», в татарском – *дарман*, *дәрмен*, в чувашском – *тарман* «способ, средство, сила, мочь», «лекарство», в турецком – *derman* «лекарство»). В русском языке это слово получило более широкое значение как «нечто одуряющее», как исходное от исконного «дурь»: все органы растения на самом деле являются ядовитыми.

Не все названия растений представляют собой перевод их средневековых фармацевтических названий. Так, русское название *буквица* не является переводом слова *betonika*, которое происходит от кельтских *ben* – голова и *top* – красивый. Характер термина не осознается носителями русского языка как чужеродный, поскольку оно имеет общеславянские корни, заимствовано из старославянского, аналогичные названия имеются и в других славянских языках: *bukwica* – по-польски, *bukwice* – по-чешски, *bukvica* – по-сербски.

В разделе 2.2. **Синонимия и полисемия в ЛСГ названий лекарственных растений русского и казахского языков** анализируется лингвистическая природа названий лекарственных травянистых растений. Они, с одной стороны, являются частью ботанической номенклатуры, а с другой – представляют собой самостоятельный пласт общелитературного языка. Двусторонность названий трав обусловлена спецификой их стилистического функционирования.

В русских и казахских названиях лекарственных травянистых растений выделяются следующие виды варьирования слов: фонетические (*дигель* – *десель* «дыгиль»; *рауаши* – *рауаш* «ревень», *дермене* – *дәрмене* «попынь цитварная»), морфологические (*репей* – *репьяк* – *репейник*; *тырысқақ* – *тырысна* «горец птичий»), грамматические (*остро-пестро*, *остропестро* «растороп-

ша»; *інжу* – *інжуғұл* «ландыш»), лексические (*красавка* – *белладонна*; *жолжелкен* – *бақажапырақ* «подорожник»). В названиях лекарственных травянистых растений имеет место омонимия как в пределах одной ЛСГ, так и в пределах разных ЛСГ. Например, в русском языке *синяк* (посиневший кровоподтек), *синяк* – медоносное растение с красно-синими цветами; в казахском языке *алқа* (ожерелье) и *алқа* – паслен. Омонимия в ЛСГ названий лекарственных травянистых растений русского и казахского языков развивается на основе общенародного языка, а также при столкновении литературного и диалектного названий.

Способность номинаций образовывать синонимичные ряды из двух и более слов прослеживается в следующих примерах: в русском языке: *ир* – *касатик* – татарский *сабельник* (аир); в казахском: *қалақай* – *шақпашоп* – *шыбынқуғыш* (крапива). Для русских и казахских названий лекарственных травянистых растений типичны синонимические пары и ряды, состоящие из научного (литературного), народного, разговорного и диалектного слова. Наиболее распространенными являются синонимические пары и ряды, один компонент из которых – научное (литературное) название, другое – народное. Например, в русском языке: *аир обыкновенный* (науч.) – *ирный корень* (нар.); в казахском языке: *гүлкекіре* (василек) (науч.) – *қозыюшаған* (нар.). Иногда синонимами являются стилистически не различающиеся наименования. Так, в русском языке наряду с термином *левзея сафлоровидная* функционирует термин *рапонтикум сафлоровидный*, оба названия входят в научную ботаническую номенклатуру; в казахском языке – *сафлор тәрізді левзея* (сафлоровидная левзея) и *маралтамыр* (букв. маралий корень), *аюдәрі* (букв. медвежье лекарство) – *ақ дәрі* (букв. белое лекарство).

Лексическое значение исследуемых названий в русском и казахском языках состоит из набора общих, индивидуальных и дополнительных сем, придающих национальную специфичность знаку, а также включает актуальные и потенциальные признаки лекарственных растений.

В разделе 2.3. **Мотивировочные признаки лекарственных растений как отправная база для новых номинаций в русском и казахском языках** рассматриваются признаки как основа для образования новых названий растений.

В обоих языках 1) среди частотных типов функциональной значимости наименований лекарственных трав главным выступает прагматический; 2) в названии одного растения могут аккумулироваться не один, а два и более признаков; 3) семантическое варьирование названий менее характерно для научного стиля, в отличие от народной лексики: одна и та же реалья может быть представлена в одном языке несколькими лексемами, всякий раз актуализируя разные мотивировочные признаки натурфакта; 4) отмечаются и такие наименования, в которых полностью или частично утрачена мотивация; 5) имеет место и субъективное преломление свойств реального мира, определяющее случайный характер номинаций; 6) в основу номинации одной и той же реалии в рассматриваемых языках могут быть положены разные призна-

ки; 7) семантика отдельных сложных названий может основываться на прямых и переносных значениях элементов словосочетаний.

В разделе **2.4. Способы образования названий лекарственных растений** названия лекарственных растений в сопоставляемых языках в процессе анализа подразделяются на две большие группы, которые, в свою очередь, подразделяются на подгруппы.

В первую группу вошли названия, образованные морфологическим способом: а) аффиксальным, включающим префиксальный, суффиксальный, префиксально-суффиксальный способы (в русском языке: префиксы *про-, пере-, при-*: *прострел, перекус, приворот*; суффиксы *-к-*: *змейка, красавка*; *-ник*: *василисник, просвирник*; *-ец*: *лебедец, чистец*; *-иц-*: *душица, травица*; *-ик*: *касатик, братики*; *-ниц-*: *ладанница, блошница*; *-анк-/ -янк-*: *нивянка, грушанка*; сочетания префиксов и суффиксов: *по-+-ни-чек*: *подойничек, по-+-ник*: *порезник*,

по-+-чик: *попутчик, пере-+-ень*: *переступень* и др.; в казахском языке суффиксы: *-дық*: *жүзжылдық* (букв. столетник), *-ған*: *құтырған* (букв. избалованный, обнаглевший), *-бас/-мес*: *құсқонбас* (букв. птица не совет гнездо), *-гек*: *бүлінгек* (букв. быстро портящийся); *-па*: *қышытпа* (букв. заставляющий чесаться), *шақпа* (букв. жалящий); *-пек*: *түйіртпек* (букв. образующий сгусток) и др.; б) аффиксоидным способом – суффиксоид *-шөп*: *жәтелішөп* (букв. трава от кашля), *сүйелішөп* (букв. трава от бородавок), *сүйел* (бородавка); суффиксоид *-гүл*: *жұпаргүл* (букв. душистый цветок), в) способом сложения: *белоцвет*, *пустотел*, *көкбас* (букв. синяя голова), *аққұрай* (букв. белый стебель), *күреңот* (букв. темно-красный огонь), *қыранот* (букв. хваткий огонь), *қызылбояу* (букв. красная краска), *алабота* (букв. пестрый верблюжонок), *түйежоңышқа* (букв. верблюжья трава), *таушымылдық* (букв. горный занавес) и др.; г) способом сложения и суффиксации одновременно (*белоголовник, белошапочник, синеглазка, двузубец, змееголовник, клопогон, мухопад*, и др.); во вторую группу включены названия, образованные синтаксическим способом – на базе словосочетаний (*бодяк полевой, полевой борец, луговая ромашка, сабельник болотный, многоножка обыкновенная, түкті шөп* (букв. раскидистое растение), *кәдімгі жұпар гүл* (обыкновенный душистый цветок), *сасық қандала шөп* (вонючая трава от клопов), *көк бас гүл* (букв. цветок с голубыми цветками) и др.

При проведении сопоставительного анализа учитывалась принадлежность лексических единиц к разноструктурным языкам. Понятие «словообразовательная категория» более всего продуктивно для сравнения словообразовательных систем близкородственных языков, так как в них словообразовательные категории сходны. При описании способов словообразования названий лекарственных травянистых растений обоих языков учитывались их типологические характеристики, в частности агглютинативность казахского языка и фузионность русского языка.

В разделе **2.4.1. Морфологический способ образования названий лекарственных трав** детально исследованы аффиксальный и аффиксоидный способы, а также словосложение.

Префиксальный способ, как показывает настоящее исследование, используется при образовании названий лекарственных трав в русском языке гораздо реже, по сравнению с суффиксацией, – 1,5%. В образовании новых наименований лекарственных трав участвуют префиксы *про-*, *пере-*, *при-*, например: *прострел*, *перекус*, *приворот*.

Суффиксальный способ является наиболее распространенным в образовании названий лекарственных растений в русском языке – 89,9%. Из 29 суффиксов, с помощью которых образуются номинации трав, наиболее часто используются 7 суффиксов: *-ник*, *-к-*, *-ик*, *-ец*, *-иц-*, *-нищ-*, *-анк-/янк-*, например: *ароматник*, *девясильник*, *золотник*, *стрелка*, *кувшинка*, *манжетка*, *си-нец*, *ясенец*, *невестница*, *кислица*, *травница*, *касатик*, *зайчик*, *ключики*, *блосница*, *калужница*, *дымянка*, *грушанка* и др. Наименования лекарственных трав, образованных с помощью этих суффиксов, составляют 77,1% от общего числа названий, образованных суффиксальным способом.

13 суффиксов (*-чик*, *-ушк-*, *-ок*, *-як*, *-юк-/юг-/уг*, *-юх-/ух-*, *-няк*, *-ух-/юх-*, *-вик*) употреблены в 18,4% названий, образованных суффиксальным способом: *-чик*: *колокольчик*, *баранчики*, *топорчики*; *-ушк-*: *лепушка*, *чернушка*; *-ок/-ек*: *бобок*, *холодок*, *василек*; *-як*: *желтяк*, *чистяк*, *коровяк*; *-юк-/юг-/уг*: *колока*, *вонюка*, *волчуг*; *-юх-/ух-*: *чистюха*, *веснуха*; *-няк*: *житняк*, *слизняк*; *-(о)вик*: *лесовик* и др. Единичные примеры представляют производные наименования с 8 суффиксами-формантами (*-чек*, *-нец*, *-нок*, *-ек*, *-ишк-*, *-очк*, *-инк-*, *-иш*), они составляют 4,5% от общего числа названий, образованных суффиксальным способом: *блосничек*, *бедренец*, *троянок*, *королек*, *кошелишка*, *невесточка*, *материнка*, *гладыш*, *клещевина* и др.

С помощью самого продуктивного в русском языке форманта *-ник* реализуются такие мотивировочные признаки, как: 1) «воздействие»: *жсгучник*; 2) «сходство растений или его частей с различными предметами»: *илемник*, *канатник*; 3) «место произрастания»: *пустырник*, *могильник*, *болотник*; 4) «лечебное воздействие»: *грыжник*, *икотник*; 5) «цветовой признак»: *золотник*; 6) «запах»: *ароматник*; 7) «время цветения растения»: *морозник*; 8) «свойства растений»: *молочник*; 9) «этнонимы»: *татарник* и др.

8,6% производных номинаций лекарственных травянистых растений составляют слова, образованные префиксально-суффиксальным способом. В качестве формантов выступают сочетания префиксов и суффиксов: *по-+ -ник* (*подорожник*, *порезник*), *по-+ -чик* (*попутчик*), *от-+ -ин-* (*отгадина*), *раз-+ уш+ник* (*разлапушник*), *пере-+ ен* (*переступень*), *при- + -ник* (*придорожник*), *под- + -ник* (*подсвекольник*).

В казахском языке, в силу его агглютинативности и, соответственно, отсутствия префиксов (и интерфиксов) в морфемной структуре слова, возможно только суффиксальное словообразование. В образовании производных наименований лекарственных трав участвуют 9 суффиксов, среди них: *-дык*:

самалдық (букв. ветреник), *жүзжылдық* (букв. столетник), *(жылықы) қымыздық* (букв. лошадиный молочайник), *-ық: бидайық* (букв. пшеничник), *-ған: құтырған* (букв. избалованный, обнаглевший), *-бас: құсқонбас* (букв. птица не совет гнездо), *-гек: бүлінгек* (быстро портящийся); *-па: қышытпа* (букв. заставляющий чесаться), *шақпа* (букв. жалящий); *-пек: түйіртпек* (образующий сгусток) и др.

В отличие от русского языка, в котором наблюдается аффиксальное словообразование названий от разных частей речи, в казахском распространено образование слов только от существительных и глаголов: 6 суффиксов присоединяются к глаголам, 3 – к именам существительным. Суффиксальным способом образовано 28,6% от общего числа наименований, образованных аффиксальным способом.

Вторым формантом по распространенности после суффикса в казахском языке являются суффиксоиды *-шөп* (букв. трава), *-гүл* (букв. цветок), *-шешек* (букв. цветок), с помощью которых выражаются 8 мотивировочных признаков: 1) лечебное воздействие: *жөтелшөп* (букв. трава от кашля), *сүйелішөп* (букв. трава от бородавок), *толғақшөп* (букв. трава, вызывающая схватки), *құсықшөп* (букв. рвотная трава), *ұйқышөп* (букв. сонная трава); 2) применение в быту: *құртшөп* (трава от червей), *қандалашөп* (трава от клопов), *баяушөп* (трава, используемая для покраски); 3) сходство частей растения с другими растениями: *алмұртшөп* (цветок, похожий на грушу), *балдыршөп* (растение, стебли которого похожи на водоросли); 4) ложная предназначённость животным и птицам: *кікішөп* (растение для сайгаков), *құтаншөп* (растение для цапель), *көкекшөп* (растение кукушки), *бөденешөп* (растение для перепелов); 5) вкус, запах: *сасыргүл* (вонючий цветок), *әтіргүл* (ароматный цветок), *сасықшөп* (вонючая трава); 6) качественные признаки: *сабыншөп* (мыльное растение), *барқытгүл* (бархатный цветок), *құрғақшөп* (сухое растение); 7) место произрастания: *тасшөп* (трава, растущая на камнях), *қыршөп* (степной цветок), *шүйгіншөп* (луговой цветок); 8) время цветения: *қысшыл* (любящая зиму). Выявлено 75 названий с названными выше формантами-суффиксоидами, что составляет 71,4% от общего числа названий, образованных аффиксальным способом в казахском языке.

Сложением в русском языке образовано 12,4% от всех наименований, образованных морфологическим способом, или 4,5% от общего числа названий лекарственных травянистых растений. Выявлены следующие модели сложения (предлагается частеречная модель и внутренняя семантическая модель): [прилагательное + существительное]: обозначение цвета + цвет / цветок (*жёлтоцвет, белоцвет, золотоцвет, огнецвет, очноцвет*); цвет + форма (*синеголов*); цвет + часть растения (*чернокорень*); качественный признак + часть растения (*пустотел, сухоцвет, любочвет*); признак + объект воздействия (*чистотел, живокость*); [существительное + глагол]: время года + действие (*зимолюбка*); [числительное + существительное]: время цветения + цвет (*первоцвет*); число + объект (*сорокозуб, девясил, двусил*); [глагол + существительное]: действие + указание на

объект воздействия (*болиголов*); действие + часть растения (*горицвет*, *свещицвет*); [наречие + глагол]: признак действия + действие (*пустодуй*) и др.

Сложение является наиболее распространенным способом образования названий лекарственных растений в казахском языке, количество образованных этим способом слов составляет 47% от количества названий, образованных морфологическим способом, и 23,1% от общего числа всех названий лекарственных растений.

В казахском языке выявлено 5 моделей наименований лекарственных растений, образованных сложением (частеречные и внутренние семантические модели): [имя прилагательное + имя существительное]: цвет + часть растения (цветок, корень, сок и др.) (17 наименований): *көкбас* (синяя голова), *аққұрай* (белый стебель), *ақбақай* (белый мизинец), *сарбасқұрай* (желтоголовый стебель), *ақбасқұрай* (белоголовый стебель), *қаратамыр* (черный корень), *сарыраушан* (желтая роза), *алтынтамыр* (золотой корень) и др.; цвет + предмет (5): *күреңот* (букв. темно-красный огонь), *алабота* (пестрый верблюжонок) и др.; [имя существительное + имя прилагательное]: предмет + цвет (3): *сабынкөк* (мыло синее), *балдыркөк* (водоросль синяя) и др.; [имя существительное + имя существительное]: название животного + растение, его часть (30): *итжидек* (собачья ягода), *түйежоңышқа* (верблюжья трава); название животного + название предмета *аюбалдырған* (медвежье дитя), *жыланбас* (змеиная голова), *сиырсілекей* (коровья слюна) и др.; место произрастания + часть растения, предмет (19): *тасшүйгін* (каменный сок), *таушымылдық* (горный занавес), *жолжелкен* (дорожный парус), *топырақбас* (песчаная голова) и др.; ядовитость + растение, его часть (17): *утамыр* (ядовитый корень), *усасыр* (ядовитое вонючее растение) и др.; свойство + часть растения (22): *желімбас* (клеякая головка), *тікенсабақ* (колючий стебель), *теміртікен* (железная колючка) и др.; продукт питания + часть растения (6): *балшатыр* (медовое покрытие), *майтамыр* (масляный корень) и др.; птица + часть растения (3): *қазтабан* (гусиная лапка), *үйреқтабан* (утиная лапка), *қарғакөз* (вороний глаз); лечебное воздействие (3): *қотырот* (огонь от болячек), *жаражапырақ* (листья от раны) и др.; [имя существительное + глагол], [глагол + имя существительное]: предмет + действие (3): *құртқаиаш* (сыпать на червей), *құртқаиш* (червь убегай) и др.; [имя числительное + имя существительное]: число + части растения (5): *қырықаяқ* (букв. сорок ножек), *мыңжапырақ* (тысяча листьев), *қырықабат* (сорок слоев) и др.

Большая часть сложных названий лекарственных растений в казахском языке возникла на основе сложения слов, обозначающих: цвет – 25 названий, животных – 20, свойства растения – 12, место произрастания – 9, ядовитость – 7, воздействие – 6, продукты – 6, число – 5, птиц – 3.

В русском языке выявлена продуктивность моделей [прилагательное + существительное] (39,4%), [существительное + глагол] (21,2%), [числительное + существительное] (12,1%), менее продуктивны модели [глагол + существительное] (9%), [существительное + существительное] (6%), [наречие + глагол] (3%), другие единичные модели составляют 9%.

В казахском языке продуктивны модели [существительное + существительное] (74,4%), [прилагательное + существительное] (17,2%), менее продуктивными являются модели [числительное + существительное] (3,8%), [существительное + прилагательное] (2,3%), [существительное + глагол], [глагол + существительное] (2,3%).

Сложные названия растений могут иметь 2 различных мотивировочных признака, например, в русском языке: *белоголовник*, *синекопытник*, *клопогон*, *девясил*; в казахском – *мысықтабан* (кошачья лапа), *итмұрын* (собачий нос) и др. Названия типа *мать-и-мачеха*, *иван-да-марья*, *не-тронь-меня*, хотя и состоят из трех элементов, не могут иметь три мотивирующих признака, так как один из трех элементов является служебной частью речи. Сложные названия лекарственных растений в казахском языке состоят из двух, а иногда и трех основ: а) основа + основа: *жарықдәрі* (светлое лекарство); *қазтабан* (гусиная лапка); б) основа + основа + основа: *ақбасқұрай* (белый + голова + стебель).

В морфологическом способе словообразования выделяются названия, образованные сложением и суффиксацией одновременно (описаны модели частеречные + формантные и семантические): сложение + суффиксы *-ник*, *-к*, *-ец*, нулевой суффикс: [прилагательное + существительное + суффикс]: цвет + форма (*белоголовник*, *бордоголовник*, *красноголовник*, *белокопытник*, *синеголовник*, *черноголовка*); цвет + растение (*белоцветка*, *синецветка*, *чернодубка*); цвет + предмет (*черногорка*, *синеглазка*, *жёлтомолочник*, *чернобривец*); цвет + число (*золототысячник*); признак + часть растения (*колючелистник*, *стародубка*); [числительное / слово с количественной семантикой + существительное + суффикс]: число, количество + часть растения (*тысячелистник*, *трилистник*, *парнолистник*, *многоножка*, *двузубец*, *троецветка*, *семижилытник*); число + объект (*сороконедужка*, *девясильник*); [существительное + глагол]: объект + действие (*кровохлебка*, *носочистка*, *пчелососка*, *клопогон*, *костолом*, *мухопад*); время года + действие (*зимолюбка*); [существительное + существительное]: животное + форма (*змееголовник*); предмет + предмет (*шишебарник*).

Больше всего слов образовано по модели [прилагательное + существительное + суффикс] (18 названий), затем следуют модель [числительное + существительное + суффикс] (10), [существительное + глагол + суффикс] (4), [существительное + существительное + суффикс] (2), единичные модели (2) (включая названия, не вошедшие в указанные группы).

Количество названий лекарственных травянистых растений, образованных морфологическим способом, в русском и казахском языках составляет соответственно 36,3% и 41,3%. В русском языке преобладает суффиксальный способ образования, затем следуют сложно-суффиксальный способ, на третьем месте – сложение, реже используются префиксальный и префиксально-суффиксальный способы, практически отсутствует при образовании названий лекарственных трав аффиксоидный способ. В образовании казахских наименований лекарственных трав

активно используются сложение и суффиксоидный способ, значительно реже – суффиксальный способ.

В разделе **2.4.2. Синтаксический способ образования названий лекарственных растений** исследуются составные наименования, образованные синтаксическим способом, формально представляющие собой словосочетания, которые состоят из двух и более элементов.

К наиболее часто встречающимся компонентам составных названий лекарственных травянистых растений в русском языке относятся следующие: трава: *наперстяная трава, мыльная трава, чёрная трава, золотушная трава*; лекарственный, зелье: *одуванчик лекарственный, ноготки лекарственные, ласточкино зелье, бешеное зелье*; корень: *ароматный корень, рвотный корень, зубной корень, сладкий корень*; лист и образованные от него слова: *себребряный лист, колокольчик круглолистный, синеголовник плосколистный, любка двулистная; полевой, холмовый, горный, луговой, земляной, подземный: полевой борец, солянка холмовая, горный лютик, луговая ромашка, арахис подземный; болотный: калужница болотная, земляника болотная, ельник болотный; обыкновенный: белладонна обыкновенная, анис обыкновенный*; цвет и образованные от него слова: *фиалка трехцветная, горицвет весенний, татарский цвет*; горький и образованные от него слова: *полынь горькая, горькая трава, горчанка осенняя*; синий и образованные от него слова: *василек синий, зверобой синий, синюха лазурная, синенький цветок*; белый, черный, пурпуровый, красный: *переступень белый, белена черная, наперстянка пурпуровая, наперстянка красная; желтый: касатик желтый*.

Как показано в реферируемой диссертации, в русском языке на базе словосочетания образованы все научные названия (кроме двух) и 232 народных названия, что составляет 63,7% всех наименований лекарственных травянистых растений в русском языке.

Наиболее частотными элементами составных наименований лекарственных травянистых растений в казахском языке являются слова *шөп, гүл*. Отмечается, что данные элементы выполняли роль словообразовательных формантов при аффиксоидном способе образования, входили в состав производного слова и писались слитно. Здесь же *шөп, гүл* рассматриваются как отдельные элементы составных названий, образованных на базе словосочетаний, например: *түкті шөп* (букв. раскидистое растение), *дөнгелек жапырақты алмұртт шөп* (травя с листьями округлой формы, похожая на грушу), *кәдімгі жәупар гүл* (обыкновенный душистый цветок), *батпақ қалта гүлі* (болотная трава, похожая на кармашек), *сасық қандала шөп* (вонючая трава от клопов), *көк бас гүл* (букв. цветок с голубыми цветками), *іісті бояу шөбі* (букв. пахучая трава для окраски) и др. Таких примеров более 200, то есть 59,2% от числа названий, образованных на базе словосочетаний.

В казахском языке в перечень слов, образованных синтаксическим способом на базе словосочетаний, входят все научные наименования (248 единиц) и 90 народных наименований, что составляет 58,7% от числа всех наименований лекарственных трав в казахском языке.

В разделе 2.5. **Способ семантической деривации** описаны признаки, лежащие в основе номинации растений, выбор которых определяется теми элементами плана содержания, которые уже представлены наличием определенного общественно-исторического опыта и знаний культурных традиций народа, ассоциациями, характером окружающей среды. При выборе мотивировочного признака для растения субъект номинации подсознательно опирается на имеющийся социально-культурный опыт языкового коллектива, в котором он живет.

Процесс номинации лекарственных травянистых растений в анализируемых языках основывается на 23 мотивировочных признаках. Реконструкция процессов вербализации многих понятий доказывает, что в обоих языках для именования выбраны одни и те же наиболее существенные признаки реалий, такие как: цвет; целебное воздействие; использование в быту; сходство растения или его частей с различными предметами, животными, птицами, другими растениями; место произрастания; особенности произрастания; количественные характеристики; качественные признаки; время цветения; размеры и величина; вкус, запах; способность выделять жидкое вещество, сохранять влагу; характерное действие; этнонимы; антропонимы; народные поверья, верования, легенды; половые, родственные и другие характеристики человека и т.п.

Большинство русских и казахских названий лекарственных травянистых растений обладают прозрачной внутренней формой, мотивировочные связи с производящими основами восстанавливаются достаточно отчетливо. Мотивировочный признак, составляющий основу внутренней формы слова, реконструируется путем установления определенных отношений между фрагментом действительности, зафиксированным в номинативном арсенале языка, и новым фрагментом, фиксируемым в языковом сознании субъектов.

Путем семантической деривации и, в частности, расширения семантической структуры слов за счет метафорического переноса образовано незначительное число наименований, например, в русском языке: растение *колокольчик* получило свое название путем метафорического переноса значения названия древнейшего музыкального инструмента на основе сходства формы венчика цветка с ним; название *недотрога (обыкновенная)* образовано путем сближения значения «не терпящий вольного обращения человек» на основе сходства с поведением растения и возникновения значения «выбрасывание семян при малейшем прикосновении к ним»; в казахском языке: *өгейішөп* образовано путем переноса прямого значения «неродной по крови родитель» на обозначение растения с семантикой «нелюбимый», *қалташөп* – переноса прямого значения «карман» на основе сходства формы «похожий на карман».

В третьей главе **Лингвокультурный аспект названий лекарственных травянистых растений в русском и казахском языках** названия лекарственных растений рассматриваются как одна из древних лексических микросистем языка, в которой закреплён опыт практического и культурно-мифологического освоения растений как части окружающей человека природы, он отражает тесную связь процессов номинации растений с ментальными национально-культурными стереотипами воплощения знания в названии.

В разделе **3.1. Отражение мифов и верований в русских и казахских названиях лекарственных травянистых растений** на примерах показано, что культурную информацию можно получить из внутренней формы народных названий лекарственных растений, в которой присутствуют «следы» культурных явлений – мифов, архетипов, обычаев и традиций, отражены исторические события, отдельные фрагменты культуры.

Наименования растений как важной составной части жизни и быта народа, его обрядов, традиций, верований вошли во множество идиоматических выражений, составляющих фразеологический и паремиологический фонд языка. В названиях лекарственных трав в составе фразеологических единиц передаются национально-специфические символы и эталоны, обозначающие состояние человека, его действия, отношение к жизни, мироизмерение. В качестве компонентов в русских фразеологизмах используются наименования *ромашка, белена, перец, редька, капуста, хмель, трава, ягода, репей*, например: *гадать на ромашке; белены объелся; задать перцу; как горькая редька, как капусту рубить; хмель вылетел*. В казахских идиомах употребляются наименования *бидай* (пшеница), *ебелек* (трава), *шөп* (трава), *ши* (чий), *шоңай* (репей), *сұңғыла* (волчок, заразиха), *қияқ* (осока) и др., например: *арпа ішінде бір бидай* (букв. зерно пшеницы среди ячменя, в зн. «необычный среди людей»); *ебелек қағу* (букв. колыхаться как трава, в зн. «суесться»); *көзге шөп салу* (букв. совать соломинку в глаза, в зн. «навредить кому-либо»), *шөп басын сындырмау* (букв. и травинки не срывать, в зн. «совсем ничего не делать»), *шөп желке* (букв. затылок как травинка, в зн. «тонкий, хрупкий затылок»); *ши шықты* (букв. вырос чий, в зн. «случился скандал»); *шоңайша жабысты* (букв. привязался как репей), *сұңғыла бала* (букв. смысленный ребенок); *қияқ мұрт* (букв. усы словно осока, в зн. «тонкие усы») и др.

Разнообразие мифологических представлений об одном и том же растении, а также многолетние наблюдения с применением на практике порождало многовариантность символики фитонимов. Например, в славянской культуре сложилось особое представление относительно *барвинка*. Он применялся в качестве оберега для скота, средства обрядового «покумления», породнения (в течение Семицкой недели), свадебного венка, а также символизировал долголетие и вечную память. Паремии передают многофункциональность лекарственных растений в народном языковом сознании. Так, например, мак с незапамятных времен употреблялся не только в лечебных целях, но и повсеместно выращивался как пищевое растение. См. русские пословицы: *Черен мак, да бояре едят. Рад Яков, что пирог с маком. Мачок с медом – усы оближешь*.

В семантике названий лекарственных травянистых растений, связанных со словом «змея», *горец змеиный, змеинник, змеевик, корень змеиный* содержится культурная информация, отражающая амбивалентные мифологические представления древних славян о змее как символе врачебной мудрости и одновременно опасности.

В казахских народных названиях лекарственных травянистых растений

отражаются мифологические представления, связанные с верой народа в «нечистую силу». Например, *шайтанкелмес* (букв. черт не придет) и *жынкумас* (букв. злой дух не прогонит). Согласно поверьям, эти растения можно было использовать для защиты себя и своего жилища от нечистой силы. Символом жизни, здоровья, одиночества выступает *мята* в казахской ментальности, о чем говорят устойчивые выражения: *жалбызды жерде жан қалар* (букв. где мята, там и жизнь).

Несколько растений могли иметь в народном языковом сознании сходную символическую семантику. Например, фитонимы *белая кувшинка*, *белый ландыш*, *незабудка* символизировали женскую красоту, чистоту, невинность, верность. Близки по символическому наполнению «красота, чистота, невинность» казахские названия *жұпаргүл* (душистый цветок), *меруертгүл* (жемчужный цветок), *қырмызгүл* (красный цветок), *жанаргүл* (горящий цветок) и т.д.

В разделе **3.2. Обрядность в названиях лекарственных растений** представлено описание многофункциональной роли лекарственных растений в народном мировосприятии и верованиях, особенно в обрядах, обычаях и традициях. В русской народной культуре, к примеру, жгучесть крапивы обусловила возможность ее использования вместо купальского костра, крапивный куст сменил в этой роли зажженную солому [Забылин 1996]. У казахов траву полыни брали с собой в качестве оберега, отправляясь в дальний путь. Существовало поверье, что она поможет путнику вернуться домой здоровым и невредимым, поскольку полынь ассоциировалась с родиной, с землей предков [Кайырбаева 2004]. В то же время в славянской культуре полынь считалась символом печали и страданий, недаром ее называют «вдовьей травой». Горький, терпкий запах, по представлениям славян, способен разогнать русалок и другую «нечистую силу».

Лечение травами переплеталось с магией и заговорами. Верой в силу волшебного растения одолевать «злых людей» и устраивать всяческие препятствия в пути обусловлено название *одолень-травы*; в соответствии с названием, трава эта упоминается в заговоре «на путь-дороженьку». Травы, которые в лечебной магии использовались для снятия порчи, сглаза, должны были собирать в определенное время. Например, мать-и-мачеху, мяту собирали на Иоанна Крестителя, папоротник – на Троицу. Одним из известных лекарственных растений, используемых как в научной, так и в казахской народной медицине, является *адыраспан* (гармала). Но причина особой популярности растения заключается в представлениях казахов о том, что оно выполняет охранительную функцию, именно поэтому *адыраспан* часто используется в различных обрядах. Свисающий пучок гармалы над дверью является традиционным способом отгонять злых духов, защищать от сглаза.

В сравнении с мифом, народный обрядово-фольклорный уровень развития растительной символики означал конкретные представления каждого этноса. У казахов превалировала обрядовая сторона по сравнению с религиозной, особый акцент делался на календарное значение, соответствующее хозяйственной жизни казаха-кочевника. Примечательно, что в русской тра-

диции растительная символика также тесно была связана с обрядностью, соответствующей событиям сакрального года и жизненным циклам.

В разделе **3.3. Особенности концептуализации названий лекарственных травянистых растений** рассматривается национально-специфический способ представления мира, который является результатом концептуализации, категоризации, классификации и описания объектов действительности, складывающихся на протяжении длительного периода времени в силу различных факторов: социальных, культурно-исторических, этнопсихологических.

Рассмотрим отражение мотивировочного признака «место произрастания» в русских и казахских названиях лекарственных травянистых растений в процессе номинации. Географический фактор в значительной степени влияет на процесс номинации. Так, природно-климатические условия России способствовали развитию таких видов хозяйственной деятельности, как охота, рыболовство, судоходство, скотоводство, земледелие. Географическая ландшафтная лексика, хотя и широко представлена терминами, однако в названиях лекарственных травянистых растений получила широкое применение лишь ее определенная часть. Поскольку большая часть лекарственных растений произрастает в лесах и влажных местах, наиболее часто в их названиях встречаются видовые определения – *лесной, луговой, болотный*. В немалой степени процесс номинации в названиях растений – отражение традиционного образа жизни, вследствие которого многие понятия древнего славянина были связаны с его отношением к лесу и ко всему, что в нем растет. Лес давал пищу, одежду, укрывал от непогоды или врагов, многие растения употреблялись человеком в качестве пищи; из них изготавливали одежду и утварь.

Народные названия лекарственных растений в казахском языке также отражают исторические, этнографические, географические представления народа о прошлом и настоящем, которые во многом связаны с образом жизни казахов. Это отчетливо проявляется в названиях растений: *шүйгіншөп* (сочная трава), *шалғындық беде* (клевер луговой), *субеде* (водянистая трава), *тасшөп* (трава, растущая на каменистой почве), *батпақ иірі* (аир болотный), *саз қазанақ* (багульник болотный), *құм шөпшай* (песчаная чайная трава), *таушымылдық* (горный занавес), *бақша қырыққабаты* (сорокослойное огородное растение), *егістік сүтшөп* (посевная молочная трава), *орман құлқайыры* (просвирник лесной), *сораң* (солянка), *шөл жалбыз* (пустынная мята) и т.д. Информативная наполненность семантики таких фитонимов помогает представить картину мира казахов в прошлом.

В разделе **3.4. Цветовая символика в наименованиях лекарственных растений** рассматривается употребление цветообозначений в названиях лекарственных трав как проявление национально-культурной специфики концептуализации цветового спектра носителями русского и казахского языков. Денотативные значения цветонаименований в разных языках носят в основном универсальный характер. Коннотативные значения цветонаименований в большей степени отражают национальную специфику разных языков и их культур.

В названиях лекарственных травянистых растений в русском языке за-

фиксировано использование 8 основных цветообозначений: *белый, черный, красный, желтый, зеленый, синий, голубой, серый*, в казахском языке – 7 цветонаименований: *ақ* (белый), *қара* (черный), *қызыл* (красный), *сары* (желтый), *көк* (синий), *сұр* (серый), *жасыл* (зеленый). В казахских названиях лекарственных растений, кроме названных основных цветов, встречаются также цветообозначения *боз* (беловато-серый, бледный), *кер* (мухортый), *күрең* (темно-рыжий). Например, *боз* (серая трава), *бозкілем* (бело-серый ковер – о растении), *бозтүк* (беловато-серый куст), *бозтікен* (беловато-серая колючка), *кержусан* (мухортая полынь), *күреңот* (темно-рыжая трава) и т.д.

В семантической структуре цветowych прилагательных обнаруживаются сходство и различия, касающиеся основного прямого и производного значений, а также переносного, выходящего за пределы обозначения цвета. Например, *белый* цвет в русском языке и *ақ* (белый) в казахском языке имеют сходные общие значения: 1) основное цветное – *цвет снега, молока*; в русском языке: 2) производное от основного цветного – *светлый*. См.: *белая яснотка, дрема белая, ақ желімбас* (букв. белый клейкий цветок). Казахское прилагательное *ақ* имеет также в своей семантической структуре переносные значения «чистый, очищающий», «красивый»: *ақ тауқалақай* (букв. белая горная трава, в зн. «красивая, чистая горная трава»), *ақбұйрек* (букв. белая почка, в зн. «очищающий почку»), *ақгүл* (букв. белый цветок, в зн. «красивый цветок», употребляется и как женское имя). В традиционной культуре казахов белый цвет является сакральным, это символ чистоты, непорочности, справедливости, высокого социального положения, см., например, *ақ ниет* – добрые намерения, *ақсақал* – старейшина, *ақ жаулық* – жена и т.д.

Заключение диссертационной работы содержит основные выводы и обобщающие результаты исследования.

Способы познания мира не являются идентичными у разных народов, что проявляется в специфике мотивации и во внутренней форме наименований лекарственных травянистых растений в процессе номинации. Сравнительный анализ позволяет выделить общие принципы номинации растений: по признакам, связанным с внешним видом, вкусом, запахом; по признакам, отражающим особенности произрастания, способность проявлять свои качества, функции; по использованию в медицине, быту, хозяйстве; сходству растения или его частей с различными предметами, животными, птицами и другими растениями; по отражению в названиях народных поверий, верований, обрядов и мифов.

Выбор артефактов-мотиваторов, их семантическая наполняемость не совпадает в сопоставляемых языках, что говорит о значимости предметов, явлений окружающей среды каждого этноса в процессе номинации. Особенностью ментальности русского народа является взаимосвязь растений с предметными реалиями, отражение языческих представлений о растениях как о живых существах. В сознании казахского народа мир растений и мир человека, животных, птиц предстает как единое нечленимое целое. Актуальными для казахского языка оказываются фрагменты окружающего мира, связанные с кочевым образом жизни; мифологическими представлениями о свойствах растений.

Основные положения диссертации освещены в следующих публикациях:

**Публикации в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных ВАК МОиН РФ:**

1. Омашева, Ж. М. Словообразовательно-мотивационный анализ названий в казахском и русском языках [Текст] / Ж. М. Омашева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2016. – № 3. – С. 40-50 (0,5 п.л.).

2. Омашева, Ж. М. Эквивалентные и безэквивалентные названия лекарственных травянистых растений в казахском и русском языках [Текст] / Ж. М. Омашева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2016. – № 4. – С. 57-64 (0,35 п.л.).

3. Омашева, Ж. М. Названия лекарственных трав в казахском языке: этимологический аспект [Текст] / Ж. М. Омашева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 4. – С. 82-89 (0,35 п.л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. Омашева, Ж. М. Когнитивный аспект изучения семантических полей в названиях лекарственных растений [Текст] / Ж. М. Омашева // Вестник КазНУ. Сер. филол. – 2007. – № 6 (105). – С. 129-132 (0,15 п.л.).

5. Омашева, Ж. М. Қазақ тіліндегі дәрілік өсімдіктер атауларының жасалу жолдары [Текст] / Ж. М. Омашева // Тілтаным. Институт языкознания им. А. Байтұрсынова НАН. Алматы. – 2004. – № 4. – С. 120-122 (0,1 п.л.).

6. Омашева, Ж. М. Сопоставительная мотивология: теория и методы [Текст] / Ж. М. Омашева // Вестник КарГУ. Сер. филол. – 2011. – № 2 (62). – С. 137-142 (0,25 п.л.).

7. Омашева, Ж. М. Мотивация в названиях лекарственных растений [Текст] / Ж. М. Омашева // Актуальные проблемы функционирования и преподавания языка и литературы. – Караганда : Изд-во КарГУ, 2003. – С. 199-202 (0,15 п.л.).

8. Омашева, Ж. М. К вопросу об этимологии названий некоторых лекарственных растений [Текст] / Ж. М. Омашева // Вестник КазНУ. Сер. филол. – 2003. – № 2 (64). – С. 62-64 (0,1 п.л.).

9. Омашева, Ж. М. К проблеме фиксации и кодификации названий лекарственных растений [Текст] / Ж. М. Омашева // Вестник КарГУ. Сер. филол. – 2004. – № 1 (35). – С. 98-100 (0,1 п.л.).

10. Омашева, Ж. М. Названия лекарственных травянистых растений как часть лексики казахского и русского языков [Текст] / Ж. М. Омашева // Қазақ тіл білімі мен Түркітану мәселелері. – Алматы : Жібек жолы, 2007. – С. 380-386 (0,3 п.л.).

11. Омашева, Ж. М. Лингвокультурный аспект названий лекарственных травянистых растений (НЛТР) в казахском языке [Текст] / Ж. М. Омашева // Материалы Международной научно-практической конференции в области языкового образования. – Караганда : Изд-во КарГУ, 2007. – Ч. 2. – С. 65-68 (0,15 п.л.).

12. Омашева, Ж. М. Лингвокультурный аспект названий лекарственных травянистых растений (НЛТР) в русском языке [Текст] / Ж. М. Омашева // Отражение ментальных представлений в языке : материалы Международной научно-практической конференции. – Актобе : Изд-во АГПИ, 2008. – Т. 1. – С. 294-298 (0,2 п.л.).

13. Омашева, Ж. М. Лингвокультурный аспект названий лекарственных травянистых растений (НЛТР) в казахском и русском языках [Текст] / Ж. М. Омашева // Вестник КарГУ. Сер. филол. – 2009. – № 3 (55). – С. 25-31 (0,3 п.л.).

14. Омашева, Ж. М. Лексико-семантические признаки названий лекарственных травяных растений (НЛТР) в казахском и русском языках [Текст] / Ж. М. Омашева // Вестник института лингвистики КГУ. Филол. науки. – 2011. – № 6. – С. 137-142 (0,25 п.л.).

15. Омашева, Ж. М. Сопоставительные и контрастивные исследования в современной лингвистике [Текст] / Ж. М. Омашева // Материалы Межд. научно-практич. конф. «Бъдещите изследвания». – София : «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2011. – С. 18-21 (0,15 п.л.).

16. Омашева, Ж. М. Способы образования названий лекарственных травянистых растений в казахском языке [Текст] / Ж. М. Омашева // Проблемы создания современного учебно-методического комплекса в системе обучения языкам и литературе. – Ташкент : Изд-во ТГЮИ, 2012. – С. 252-255 (0,15 п.л.).

17. Омашева, Ж. М. Тюркизмы в названиях лекарственных травянистых растений русского языка [Текст] / Ж. М. Омашева // Алтаистика и тюркология. – Астана : Изд-во Тюркская академия, 2012. – №3 (7). – С. 38-45 (0,35 п.л.).

18. Омашева, Ж. М. Тюрко-монгольские элементы в названиях растений казахского языка [Текст] / Ж. М. Омашева // Проблемы языка в современной научной парадигме: XI Седелниковские чтения : материалы Международной научно-практической конференции. – Павлодар, 2016. – С. 64-67 (0,15 п.л.).

19. Омашева, Ж. М. Устойчивые выражения в межкультурном общении [Текст] / Ж. М. Омашева // Сб. науч. тр. / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2016. – Вып. 10. – С. 286-290 (0,2 п.л.).

Подписано в печать 02.08.2017. Формат 60x84^{1/16}.

Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.

Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,6.

Тираж 100. Заказ № 4864.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета.

620017 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: uspu@uspu.me